

УДК 94 (47)

*Е.В. Годовова**

**ВОСПОМИНАНИЯ КАЗАКОВ – ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЗАЧЬЕГО СОСЛОВИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)****

В данной статье на основе воспоминаний донских, кубанских, забайкальских и оренбургских казаков выявляются темы, позволяющие сформировать определенный образ российского казака и раскрывающие различные аспекты повседневной жизни казацкого сословия.

Ключевые слова: казаки, воспоминания, повседневная жизнь казаков, военная повседневность.

Одним из важнейших источников по изучению повседневной жизни казаков являются воспоминания их самих. К сожалению, подобных документов встречается мало. Причиной этого, вероятно, является, во-первых, неграмотность большинства казаков, во-вторых, отсутствие понимания значимости ведения подобных записей и, в-третьих, возможно, уничтожение таких материалов в период разказачивания как самими казаками, так и властью. Сохранившиеся в архивах и изданные воспоминания казаков различаются по своему содержанию. Большая часть таких сочинений отражает военные будни казаков, их участие в походах и содержит подробное описание военных действий, следовательно, эти материалы дают представление о повседневной военной жизни казацкого сословия. Среди таких работ следует отметить записки офицера казацкого полка Андрея Валерьяновича Квитке о Русско-турецкой [7] и Русско-японской войнах [6], дневник донского казака Степана Павловича Полушкина [9], воспоминания амурских казаков [1], кубанского лейб-казака Тимофея Ксенофонтовича Ящика [11] и есаула Оренбургского казацкого войска Вениамина Петровича Водопьянова [5], рассказы оренбургского казака Николая Васильевича Агапова [4].

Анализируя казачьи воспоминания, следует выделить ряд схожих тем, прослеживающихся во всех работах и позволяющих сформировать определенный образ российского казака.

* © Годовова Е.В., 2013

Годовова Елена Викторовна (godovova@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1; кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал), 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, 26.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0963 (тема научно-исследовательской работы – «Роль государств эпохи Средневековья и нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья») и при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект №12-31-01281/а2.

Во-первых, это осознание себя представителями казачьего сословия, верность Царю, семье, друзьям, присяге. «Я — казак, каким был до меня и мой отец, а до него был его отец», — начинает свои воспоминания Т.К. Ящик. А Николай Агапов на протяжении всей рукописи с гордостью пишет об оренбургских казаках, выделяя такие их качества, как храбрость, силу, неподкупность и преданность царю. Он восклицает: «Слава нашему царю и Вседержавному богатырю, и покорителю врагов, помоги ему, милосердный Бог, покорять врагов и расширить землю русскую, и продли, Боже, жизнь царю на *многия лета*» [4, с. 98]. Ему как будто вторит Тимофей Ящик: «Мы чувствовали себя особо избранными для того, чтобы охранять и защищать его (Царя — Е. Г.)» [11, с. 32] и продолжает: «У казаков не было большего желания, чем служить нашему дорогому царю и быть к нему как можно ближе. Вот я и стал солдатом лейб-гвардии императора, и вслед за этим начался длительный период, который не был отмечен сколько-нибудь большими событиями, но имел самое большое значение в моей жизни» [11, с. 40]. Есаул Водопьянов, повествуя о сражениях в Среднеазиатском регионе, неоднократно отмечает «несокрушимое мужество казаков и примерную храбрость офицеров» [5, с. 71].

Во-вторых, в воспоминаниях особо отмечается казачий патриотизм. В Памятной книжке для нижних чинов Императорских казачьих войск говорится: «...Помни, что дороже всего тебе отчизна твоя. Помни, что Отечество не одна станица твоя, не один двор твой да изба, а вся земля Русская, которую из конца в конец не проедешь на коне своем, хоть и самом ретивом, в пять, не то шесть лет» [3, с. 92]. Об этом и в воспоминаниях казаков: «Я родился в России — моей любимой России. Точнее сказать — на Кавказе в Кубанской области» [11, с. 5], — пишет Т.К. Ящик. «Испокон веков казаки наши оренбургские верой и правдой служили Российскому государству. Чай, и присягали мы за Веру, Царя и Отечество», — говорит в своих воспоминаниях оренбургский казак Петр Рохмистров [10, с. 21]. С особой любовью казаки описывают природу станиц своих войск и России в целом.

Воспитать казака, патриота и гражданина, — значит сформировать в нем казачий дух, развить и укрепить его духовно. Патриотизм — любовь и служение Отечеству — это, прежде всего, духовное состояние человека. Из христианской любви рождается патриотическое служение. Казачий патриотизм — это готовность жизнь и душу свою положить за веру, Отечество и друзей своих. Он основан на христианском понимании, что Бог есть Любовь. Не бывает казака без веры, а казачества без Православия.

Третьей общей темой, прослеживающейся в воспоминаниях казаков, стала идеологическая основа казачьей жизни — православная вера. «Наперед всего памятуй и не забывай Господа Бога: Он всюду один и всюду видит и тебя, и дела, и промышления твои; без Него спасения нет», — сказано в Памятной книжке для нижних чинов Императорских казачьих войск [3, с. 93].

Кубанский казак Тимофей Ящик пишет, что настоящая вера в Бога лежала в основе радости жизни. Отмечая религиозность своей семьи, он вспоминает один эпизод из своего детства: «Я рано научился любить и слушаться Бога. В связи с этим я вспоминаю, что дети каждое утро до того, как сесть за стол, должны были умыться и совершить утреннюю молитву. Выдержать весь этот ритуал для маленького сонного мальчика, который к тому же очень любил поесть, было особенно тяжело. Как только я начал говорить более или менее правильно, отец научил меня словам молитвы, учил меня креститься, делать поклоны и опускаться на колени. Однажды утром мне пришла в голову мысль прикинуться больным, чтобы увильнуть от уроков и «утренней гимнастики». Я лежал, но прислушивался к полному молчанию за столом и ждал, когда мне что-нибудь принесут. И тут я увидел, что отец встал из-за стола,

медленно снял ремень со стены, сложил его в два раза и подошел ко мне. Еще до того, как я успел сдвинуться с места, я получил обжигающий удар ремнем. «И тебе не стыдно! — сказал отец. — Или я не учил тебя, что Господь не любит неумытых детей? Помолился ли ты утром и поблагодарил ли Господа за свое счастливое пробуждение? Ты мог умереть во сне. Поблагодари Господа, парень, за то, что ты все еще жив!» Я вынужден был встать перед иконами и попросить прощение за мой проступок. Как я помню, это был единственный случай, когда отец поднял на меня руку» [11, с. 24–25].

Казаки молились, отправляясь в поход, и служили благодарственные молебны по возвращении из него. Молились в минуты опасности и радости. В тяжелых условиях пограничья надежда на помощь Бога и святых давала силы к борьбе. «Теперь, ребята, слезай с коней, и помолимся Богу, и потом возвратимся обратно в путь. Не знаю, что делается с оставшими моими героями и все ли благополучно, и цело ли отбитое нами. Один Бог знает, и он творит волю свою во всех делах [2, Л. 44. об.]», — говорит командир сотни своим казакам.

«Уж настала ночь и смешалась с темнотой с бураном, и идти нам стало уж невмочь. Осталось только просить Бога о помиловании напрасной смерти, встав на колени и подняв руки к небу и изливая теплые и душевные к Богу молитвы и Пресвятой Богородице Приснодевы Марии и чудотворной ея иконы Казанския. «Пресвятая Богородице, спаси нас от напрасной смерти и моли сына твоего и Бога нашего Иисуса Христа, и пошли ангела-спутника, да покажет нам путь, и мы пойдем по нем, слава Бога и его, и святых чудотворцев во век и веков века». Вдруг просветил огонек вдали, несколько вправо, и опять пропал, мы по направлению одного поспешили продолжать путь свой, как будто в надежде отыскать путь спасения от замерзания. Почувствовавши что-то в теле, теплоту и бодрость, и присматриваясь, не увидим ли еще что-нибудь. И огонек мелькнул чуть заметно сквозь вьюги снежной, и, прибавив шагу, спешили в надежде получить спасение от Бога Вседержителя [4, с. 69–70]», — вспоминает Н.В. Агапов.

С молитвой и хоронили. На похоронах погибшего казака полковник Трухин, обращаясь к казакам, сказал краткое слово, которое закончилось так: «покойные в бою защищал своих товарищей, помолимся же и мы за него» [6, с. 61], отмечает в своем дневнике казак Андрей Квитке.

Где бы ни служил казак, везде с ним был его конь, который воспринимался как боевой товарищ и рабочая сила. Тема казацкого коня также является общей в воспоминаниях казаков.

С гордостью и одновременно ласково пишет оренбургский казак Николай Агапов о своем коне: «Моя Савраска как стрела из лука пустилась и оставила своего спутника Чалбаша и всадника Андрея Афанасьевича Иванова. И возвратясь, примчался к нему и на свое место» [2, Л. 12]. Столь теплое отношение к коню было не случайно. Конь (подарок отца перед командировкой Николая в степь) воспринимался им как благословение родителей, всегда напоминал ему о родном доме.

Т.К. Ящик вспоминает: «Казаки, поступающие на службу в лейб-гвардию, часто приводили с собой своего коня; это были прекрасные животные, быстрые и умные. Если кто-нибудь из нас приходил в конюшню, достаточно только прошептать кличку коня, и он сразу прислушивался и поднимал голову, радуясь встрече» [11, с. 43]. А. Квитке пишет, что лошади у казаков были в хорошем теле [6, с. 59].

Конь был и незаменимым помощником в быту. Петр Рохмистров отмечает, что к пяти-восьми годам казацья детвора ездила на коне увереннее, чем ходила. Смело скакали они по улицам станицы, участвовали в скачках. В обязанность детей входил ежедневный уход за лошадьми [10, с. 22], их купание. «Летом мне доставляло боль-

шую радость ездить верхом купаться. Купанье представляло собой веселую возню лошадиных и мальчишеских тел в холодной воде, на солнце, которое светило с безоблачного неба» [11, с. 29], – вспоминает Тимофей Ящик.

Еще одна тема, о которой говорят казаки в своих воспоминаниях, – выносливость, приспособленность к тяжелым походным условиям: неблагоприятному климату, отсутствию воды и еды, лечению болезней.

Полковник генерального штаба для особых поручений при командующем войсками Оренбургского военного округа В.П. Тихменев описывает случай, от которого, по его словам, «волосы легко обращаются из черного цвета в белый»: «Не много времени потребовалось чтобы окончательно убедиться в том, что не только думать о пополнении израсходованного запаса воды на дорогу, но что нет возможности добыть достаточное количество на день для людей, не говоря про животных. Имевшийся запас воды старались не расходовать, но обходиться без него не могла ни одна часть – заботились только о пополнении черпащем. Для более удобного добавления воды спускали людей в колодцы с турсуками (емкость для хранения воды – *Е. Г.*) – всем пришлось помучиться, не много более другим людям с саперной роты и не один задохнувшийся был полумертвым вытаскен на поверхность. Полковники ходили от колодца к колодцу и не могли получить на чайник воды, затем они изменяли поиск, направляясь к палаткам строевых офицеров и считали себя счастливыми когда заставляли чайник с чаем и им предлагали стакан. Дисциплина начала расшатываться и мне известен случай в одном линейном батальоне, где ротные командиры старались друг у друга отнять турсук с водой! Все толпились напрасно возле колодца, а бедные лаучи (верблюдоводители – *Е. Г.*) трое из них умерло от жажды» [8].

Неправильно приготовленная еда влекла за собой неприятные последствия: «Был остаток ячменя, который парили в котлах и ели, но без привычки открылся с нами понос и рвота, да спасибо нашему водителю киргизу: он научил нас, как готовить ячмень. Его нужно поджаривать в котлах, котлы сначала нужно смазывать курдючим салом, и несколько положить этого же сала и жарить, а потом толочь в корыте, и как слезет челуха (шелуха – *Е. Г.*), потом провеять и варить с мясом. И что же? Оказалась пища очень вкусная – вот нужда и научит, как хлеб есть» [4, с. 59]. «Но без соли и без хлеба на тощей (пустой – *Е. Г.*) желудок жирное мясо казалось хуже кислого кваса. На каждого молодца торопливо делали гонца – во все стороны понос и рвота, да и служебная забота. Кумызу (кумыс – *Е. Г.*), спасибо, было много, тем и подкрепили расстроенный желудок» [4, с. 59].

В условиях походной жизни были плохо развиты медицинская и ветеринарная помощь. Так, казак Агапов пишет, как сам сделал себе операцию по удалению абсцесса: «На левой щеке появилась сибирская язва и так скоро подействовала, что у меня разнесло щеку, что и глаз закрыло, и горло распухло, так что и дышать с трудом можно, и на сердце тоска, а лечить некому. Взял хомутное шило и вырыл ямку из песка, в левую руку взял зеркало, а в правую шило – и давай щеку тереть. С трудом воткнуешь шило, потому что щека задервенела, всунешь сбоку лезвием шила под корень и рвенешь – только лоскутья летят, а кровь ручьем в яму. Покончил операцию – и почувствовал легкость на сердце, и в горле опухоль стала опадать. Пошел к сотнику Жарикову просить билет ехать в госпиталь в укрепление Раим для излечения раны» [4, с. 57]. Следует отметить, что доктор, осматривавший послеоперационную рану, сказал Агапову: «Хорошо, что ты догадался и решился это сделать, а то бы лежал бы в песке навечно» [4, с. 57].

Следует отметить, что кроме доблести, мужества, выносливости, религиозности казаков в воспоминаниях отмечаются их «слабости». «Пьянство, сквернословие, мордобитие были в армии не единичным явлением, к сожалению, оно встречалось во

многих частях [6, с. 53]», — отмечал А.В. Квитке в своем дневнике. Есаул Водопьянов говорит о том, что, когда казаки 6-го Оренбургского казачьего полка находились на «мирных квартирах» и были лишены возможности отдаться службе, они отдавались единственному развлечению — кутежам и оргиям. «Но эти бессонные ночи и похмельные дни! Сколько на них потрачено силы, здоровья, молодых жизней и сколько светлых голов лишилось войско!», — восклицает он [5, с. 143].

Н.В. Агапов вспоминает в записках свой визит вместе с женой к коменданту Тургая Якову Петровичу Яковлеву «Он ласково обошелся и пригласил меня к себе на чай, а также и мою жену. Его супруга Дарья Петровна приняла мою жену с радушием, а потом была подана водка и закуска. И подвыпили, и закусили по-русски» [4, с. 79]. Т. Ящик отмечает: «Заканчивали трапезу истинно по-русски — стаканом чая. Чаю составляла конкуренцию только водка...» [11, с. 26]. Праздновали и победу: «Все было готово: выпивка и закуска. И налили бокалы, и началась выпивка с криком «Ура!» и поздравка с победой» [4, с. 33].

Итак, первоначальный анализ воспоминаний казаков позволяет нам говорить, что, несмотря на принадлежность авторов к разным казачьим войскам: Донскому, Кубанскому, Забайкальскому, Оренбургскому и непохожесть сюжетов их повествований, все они поднимают такие темы, которые позволяют сформировать определённый образ казака, раскрывая различные аспекты повседневной жизни казачьего сословия.

Библиографический список

1. Амурские казаки. Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Т. 1. Благовещенск-на-Амуре, 2008. (Приамурье. Из века в век).
2. ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11.
3. Даль В.И. Памятная книжка для нижних чинов императорских казачьих войск // Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002.
4. Записки Н.В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Научная публикация и исследование текста / сост.: И.А. Филиппова, Е.В. Годовова, С.А. Моисеева. Оренбург, 2013.
5. История 6-го Оренбургского казачьего полка / сост.: В.П. Водопьянов. М., 1996.
6. Квитка А.В. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1908 : ил.
7. Квитка А.В. Записки казачьего офицера. Война 1877–1878 гг. СПб., 1903 : ил.
8. Отдел рукописей РНБ. Ф. 550 (ОСРК) Р. IV. 829.
9. Полушкин С.П. Дневник донского казака. 1877–1878 гг. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1880. 218 с.
10. Рохмистров Е.П. Казаки-воины, пахари: документальная повесть. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2008. 376 с.
11. Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. 252 с.

*E.V. Godovova**

**MEMOIRS OF THE COSSACKS ARE A VALUABLE SOURCE
OF STUDY OF EVERYDAY LIFE OF COSSACK CLASS
(SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES)**

In the given article on the basis of memoirs of Don, Kuban, and Trans-Baikalia and Orenburg Cossacks, themes that allow to form a certain image of Russian Cossack and reveal different aspects of everyday life of the Cossack class are revealed.

Key words: Cossacks, memoirs, everyday life of Cossacks, military daily routine.

* *Godovova Elena Viktorovna* (godovova@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation; the Dept. of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg, 460000, Russian Federation.